

МИСТЕЦТВОЗНАВСТВО

УДК 7.03;7:001.12

ПОРТРЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. НЕСТЕРОВА (1862-1942)

Филиппова О.Н.

Ассоциация искусствоведов, г. Москва

Михаил Васильевич Нестеров (1862-1942) – это один из самых тонких, проникновенных лириков в русской живописи. Формирование его, как художника и первые крупные успехи приходятся на конец XIX – начало XX века. Но, его имя нельзя было отделить и от истории советского искусства, в которое он пришел уже сложившимся, маститым, признанным художником. Не останавливаясь на достигнутом, он как бы обрел вторую молодость, и создал целый ряд замечательных произведений, выдвинувших его в число ведущих мастеров советского портрета.

Ключевые слова: творчество М.В. Нестерова, пейзажи, сказка, театральная декорация, создание икон для Владимирского собора в Киеве, акварельный эскиз, цикл картин о трагической судьбе русской женщины, выполнение заказов по росписи церквей, портреты, автопортрет.

Постановка проблемы. Художник с необыкновенной судьбой – М.В. Нестеров прославился в дореволюционном искусстве конца XIX века такими картинами, как: «Пустынник» и «Видение отроку Варфоломею» [1, с. 1]. Революция создала нового М.В. Нестерова. Не сразу, не легко, но создала. Постепенно художник отходил от своих прежних сюжетов. Место тихих старцев и отроков на его полотнах теперь занимали люди сильных страстей – это академики А.Н. Северцов и О.Ю. Шмидт, скульпторы И.Д. Шадр и В.И. Мухина, хирург С.С. Юдин, великий физиолог И.П. Павлов.

Анализ последних исследований и публикаций. Творчеству М.В. Нестерова посвящен ряд крупных монографий, множество статей в дореволюционной и советской периодике. В 1940-1950-е годы вышли в свет два капитальных исследования советских искусствоведов: С.Н. Дурылина («Нестеров-портретист». М.-Л., 1949) и А.И. Михайлова («Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество». М., 1958), а также расширенное и дополненное переиздание воспоминаний художника: «Давние дни» (подготовка текста, введение и примечания К.В. Пигарева. М., 1959) [3; 4; 6]. Совершенно естественно, что появление этих книг, и особенно монографии А.И. Михайлова, сделало работу каждого, изучающего сложное и разнообразное творчество М.В. Нестерова, значительно менее трудной.

В издании: «Михаил Васильевич Нестеров» (М., 1962) автор (И.И. Никонова) в приведении фактического материала опирался на сведения, почерпнутые им в вышеуказанных трудах [7]. Не претендуя на подробное освещение жизненного и творческого пути художника, автор стремился в данной работе осветить на основе изучения периодической печати, газетных и журнальных статей, основные процессы, происходившие в искусстве М.В. Нестерова, показать формирование и развитие его художественного метода на протяжении многолетнего творческого пути. Цель данной публикации, на основе библиографических источников, – это анализ творчества М.В. Нестерова-портретиста.

Михаил Васильевич Нестеров родился 19 (31) мая 1862 года в городе Уфе (сам М.В. Нестеров отмечал день своего рождения 1 июня по новому стилю). Семья была его старозаветной – верили в бога, ходили в церковь, соблюдали посты, радовались праздникам. Все переживания детства у М.В. Нестерова – его радости и печали, его представления о высшей правде, о совершенной красоте – связывались с религиозным чувством. Почти все пережитое тогда сказалось в его дореволюционном творчестве.

В 1877 году М.В. Нестеров был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. О своих учителях, о крупнейшем представителе критического реализма 1860-х годов В.Г. Перове (1833-1882), о зачинателе национального русского пейзажа А.К. Саврасове (1830-1897), о талантливом жанристе-передвижнике И.М. Прянишникове (1840-1894), а также о своих сотоварищах по Училищу, в будущем прекрасных русских живописцах – И.И. Левитане (1860-1900), К.А. и С.А. Коровиных, А.П. Рябушкине (1861-1904) и других – М.В. Нестеров образно и ярко, с уважением и признательностью, порой с теплым юмором или нежной грустью, но с неизменной любовью рассказал в своих воспоминаниях. В бытность свою в Училище и в первые годы после его окончания М.В. Нестеров, следуя своим учителям-передвижникам, писал жанровые сценки. Они получались у него то вовсе безобидными, то чуть насмешливыми, то слегка «обличающими» [5, с. 6]. Но, в них не было ничего «нестеровского» [5, с. 6]. Он сделал попытки сочинять исторические композиции, однако и это было не то – дальше эскизов и «проб» дело не пошло [5, с. 6].

Но, М.В. Нестеров рано стал самим собой – художником, сказавшим свое слово в искусстве. Он нашел это новое слово, работая в 1888-1889 годах над картиной: «Пустынник», которую показал на XVII выставке передвижников [5, с. 7] (илл. 1).

Правда, перед этим М.В. Нестеров написал (даже в двух вариантах) произведение, которое он сам назвал: «опера-картина», – «За приворотным зельем» [5, с. 7]. Об этой ранней картине хочется упомянуть не только потому,

Илл. 1. М.В. Нестеров. «Пустынник». 1888-1889 гг. Х., м., 142,8 x 125,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

что в ней впервые появляется образ страдающей русской женщины, родственной тем женским образам, которые впоследствии так глубоко и тонко будут раскрыты М.В. Нестеровым в целом ряде его произведений. Эта картина интересна тем, что она, несомненно, возникла под влиянием «абрамцевского кружка», объединившегося вокруг С.И. Мамонтова в его подмосковном имении Абрамцево [5, с. 7].

В этот кружок, как известно, входили выдающиеся художники того времени (В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, позже — М.А. Врубель и другие). Они были увлечены поисками национального стиля в искусстве, стремились возродить русское народное декоративное творчество. Все они горячо увлекались и театром, работали в «Русской

Илл. 2. М.В. Нестеров. «Видение отроку Варфоломею». 1889-1890 гг. Х., м., 160,0 x 211,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

частной опере», созданной С.И. Мамонтовым [5, с. 7]. М.В. Нестеров, раз попавший в Абрамцево, стал затем его постоянным гостем. Здесь написал он немало своих пейзажей, здесь он сблизился с В.М. Васнецовым (1848-1926). При первых посещениях Абрамцева М.В. Нестеров с радостью смотрел на талантливые работы В.М. Васнецова, особенно на построенную им здесь: «Избушку на курьих ножках» [5, с. 7]. Но и сказка, и театральная декорация не были той областью, в которой М.В. Нестеров мог в полной мере проявить свое «я» [5, с. 7]. Первой подлинно «нестеровской» картиной был: «Пустынник» [5, с. 7]. По безлюдному берегу, опираясь на резную палку, медленно, осторожно, переступая, обутыми в лапти ногами, идет согбенный годами старичок. Поздняя северная осень. Вокруг разлита тишина. Спокойна светлая гладь воды, отражающая дальний, подернутый дымкой лес. А здесь, впереди — одинокая иголистая елочка, ветка, покрасневшей рябины, да нежно-зеленые запоздалые травинки, которые кое-где пробиваются сквозь побуревший покров тонкого берега. В этой картине художник передал нам свое светлое, благодатное, умиротворенное чувство, рожденное так знакомой ему и так им любимой русской природой.

М.В. Нестеров рассказывал впоследствии, что В.И. Суриков (1848-1916), одоблив «Пустынника», как «любитель красок» не был доволен скромной живописью этой картины [5, с. 8]. «И правда, — вспоминал М.В. Нестеров, — в «Пустыннике» ни краски, ни фактура не интересовали меня... Мне, как В.Г. Перову, нужна была душа человека...» [5, с. 8]. Действительно, в этом первом произведении, как позже во многих других, отчетливо сказались особенности М.В. Нестерова-художника, М.В. Нестерова-пейзажиста.

Ни изучение внешнего облика природы, ее зримых особенностей, ни даже раскрытие красочного ее богатства, ни передача эффектов освещения — сами по себе особенно не увлекали М.В. Нестерова. Он стремился не столько богатством живописи, сколько самим выбором мотива, отбором каждой детали, любовным изображением каждой березки, елочки, рябинки, умением в саму форму, в сам рисунок, в само прикосновение кисти вложить то чувство, которое живет в сердце, передать тот отклик, который пробуждает природа в человеческой душе.

М.В. Нестеров не принимал внутренне тех художников, которые примитивно, убого понимали «природу», «натуру» в искусстве [5, с. 8]. «Правда эта, — писал он, — не идет у них дальше валеного сапога, написанного «с натуры», и, если так можно выразиться, правда «красноносая... Правды такой я не люблю, и она мне не дорога... Мила же и любезна мне она лишь тогда, когда олицетворяет собой внутренний, поэтический смысл характера человека, природы или животных, а так, как при этом я называю художником того лишь, кто имеет «индивидуальность», то, следовательно, и правду художественную я признаю «индивидуальной» [5, с. 8]. Эту свою «индивидуальность», свое особое лицо художника М.В. Нестеров нашел, создавая «Пустынника» [5, с. 8].

Продав «Пустынника» (еще до выставки) П.М. Третьякову (1832-1898) для его знаменитой

галереи, М.В. Нестеров едет за границу, изучает великих мастеров прошлого в городах Италии, а также в Париже и Дрездене [5, с. 8]. Вернувшись, он поселяется в деревне недалеко от Абрамцева и приступает к работе над новой картиной: «Видение отроку Варфоломею» (1889-1890) [5, с. 8] (илл. 2).

Этим произведением М.В. Нестеров начал ряд картин, посвященных жизни и трудам Сергия Радонежского – выдающегося деятеля Древней Руси, способствовавшего ее объединению и сыгравшего большую историческую роль в период борьбы с татарским игом в конце XIV века. Основатель Троицкого монастыря (в будущем Троице-Сергиевой лавры), Сергей Радонежский был причислен церковью к лику святых.

В основу этой картины был положен легендарный рассказ о том, как Сергей, будучи еще мальчиком, жил в Радонеже и звали его Варфоломеем, был послан родителями искать убежавших лошадей. Он ушел далеко от дома в лес, где ему и явился старец. Как и во всех картинах М.В. Нестерова, в этом полотне большое место принадлежит пейзажу. Средняя полоса России с плавными линиями далекого горизонта, изгибами холмов, полями и перелесками. Снова поздняя осень, когда уже сжаты нивы, покраснела, тронутая утренним холодом рябина, облетают золотые листья березки, а среди пожелтевшего леса четко выделяются темные островерхие ели. Пейзаж возник в Абрамцеве, которое, как известно, находится недалеко от Троице-Сергиевской лавры (Загорска). В полной гармонии с пейзажем был создан М.В. Нестеровым образ отрока Варфоломея. Он тоже «такой русский» со своими льняными волосами и васильковыми глазами [5, с. 9]. Весь он охвачен жаждой истины, духовного совершенства, готовностью к суровым испытаниям, к подвигу, мечтой о самопожертвовании ради достижения высокой жизненной цели.

В первой половине 1890-х годов М.В. Нестеров много времени и сил отдал созданию икон для Владимирского собора в Киеве. Весной 1895 года эта заказная работа была окончена, и М.В. Нестеров писал другу: «А вот я теперь свободная птица, но беда в том, что сильно разучился петь по-птичьи, да и крылья не могу до сих пор путем расправить, очень уж засиделся в клетке. Одно несомненно хорошо – это природа. Господи! Сколько она содержит в себе звуков, мыслей, чувств, сколько в ней мечтаний и не бессмысленных, как у образцовых земств наших, а глубоких, вдумчивых, вековечных... Вот и сидишь, да и слушаешь, что природа говорит, что рассказывает лес, о чем птицы поют, слушаешь и переживаешь юность...» [5, с. 10].

Эти чувства М.В. Нестерова проявились в его картине: «Юность преподобного Сергия» (1892-1897) [5, с. 10] (илл. 3).

Ее нежный и поэтический пейзаж был назван А.Н. Бенуа «поэмой северного леса» [5, с. 10]. Но, в самом облике юного Сергия, как и в некоторых других образах, созданных М.В. Нестеровым в 1890-х годах, есть некая болезненность. Сам М.В. Нестеров признавал это в одном из писем 1898 года: «...творчество мое, как мне кажется, имеет в себе нечто болезненное, поэзия моих произведений – это поэзия одиночества, страстного искания счастья, тишины и душевного по-

Илл. 3. М.В. Нестеров. «Юность преподобного Сергия». 1892-1897 гг. Х., м., 247,0 x 229,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

коя... Картины мои слишком субъективны, в этом кроется и крайнее разноречие в суждениях о них. Кто же сомневается в их искренности, тот глубоко не прав» [5, с. 10]. Замечательным произведением М.В. Нестерова из жизни Сергия является его акварельный эскиз: «Благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву» (1897) [5, с. 10] (илл. 4).

Все в этом эскизе говорит о значительности минуты и о суровости грядущих испытаний: и, опустившийся на колени князь, и его спутники, склонившие головы, и лес копий с красными древками и острыми наконечниками, мерцающими на фоне холма, поросшего темными елями. Строги и краски эскиза: драматически напряженно сочетаются черно-синие и коричнево-черные тона монашеских ряс и светлые краски одежды кня-

Илл. 4. М.В. Нестеров. «Благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву». Эскиз неосуществленной картины 1897 г. Б., тушь, акварель, графитный карандаш, 31,0 x 44,2 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

зя с глубоким красным цветом воинских кафтанов. Лишь тоненькие, излюбленные художником, белоствольные березки как бы вносят в этот суровый мужской хор нежные, трепетные звуки.

В эти же годы М.В. Нестеров задумал цикл картин о трагической судьбе русской женщины. По словам людей, знавших М.В. Нестерова, он хотел написать пять картин: в первой – это показать одиночество героини, ее мечты, ее тоску, которой нет исхода; во второй – встречу героя и героини; в третьей – изобразить их перед разлукой; в четвертой – рассказать об отречении героини от мира, о ее пострижении в монашество; и, наконец, в последней – о том, как героиня, не найдя успокоения и в монастыре, бросается в Волгу.

Илл. 5. М.В. Нестеров. «На горах». 1896 г. Х., м., 160,0 x 160,0 см // Киевский музей русского искусства

Илл. 6. М.В. Нестеров. «Великий постриг». 1897-1898 гг. Х., м., 178,0 x 195,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

М.В. Нестеров осуществил не все из задуманного, но много раз возвращался к этой волновавшей его теме. Художник говорил, что эти образы были навеяны ему романом П.И. Мельникова (Печерского) «В лесах» и «На горах», в частности, образом Флёнушки [5, с. 10]. Но, вместе с тем он не раз подчеркивал в своих письмах, что картины, написанные на эти темы, именно «навеяны» романом, но отнюдь не являются прямыми иллюстрациями к нему [5, с. 10].

Важно отметить, что художник создал свои «нестеровские» образы, изолненные подлинного драматизма и высокой поэзии [5, с. 11]. Он глубоко, по-своему поведал о тех русских женщинах, которых немало было в его время в России, особенно в той среде, в тех заволжских городах и селах, которые он хорошо знал. Он рассказал о хороших русских девушках, об их сердечных муках, об их неутолимой жажде жизни, воли, простора, человеческого радостей... Но, крылья их были связаны, руки связаны, идти было некуда – из родительской семьи в мужнюю, из одной кабалы в другую. И шли они в обитель, в скит, в монастырь, но и там не находили они покоя, и там мучились, плакали, старались заглушить голос жизни молитвами. Первое произведение о женской доле, картину: «На горах» М.В. Нестеров написал на родине, в Уфе, летом 1896 года [5, с. 11] (илл. 5).

На полотне изображена стройная девушка с тонким и строгим лицом. На ней темно-синий сарафан и белый, окаймленный узором головной платок. Она остановилась на высоком нагорном берегу, поросшим цветами. А внизу – светлый изгиб реки, поля, луга, холмы, вольный простор... Лишь ей нет воли... Нет и не быть тому, о чем грезится, завянет без толку ветка спелой красной рябины, что держит она в руке.

Наиболее художественно совершенным полотном этого цикла картин явился: «Великий постриг», законченный в 1898 году [5, с. 11] (илл. 6).

«Тема печальная, – писал тогда М.В. Нестеров – старейшему другу и корреспонденту А.А. Турьгину, но возрождающаяся природа, русский север, тихий и деликатный делает картину трогательной, по крайней мере, для тех, у кого живет чувство нежное» [5, с. 11]. В этой картине поражает глубокий контраст. Ранняя весна, еще белеют пушки вербы, только-только стали раскрываться почки на березах, словом, жизнь пробуждается, «всякое дыхание» поет хвалу жизни... И среди этого свершается отречение от земной жизни, прощание с жизнью, заживо отпевают женщину, мирского человека... Рядом с тоненькими, гибкими, чуть зеленеющими березками такими мрачными выглядят одежды монахинь, их мантии, клобуки, наметки. Мерный ритм шествия, чередование тяжелых темных пятен воспринимается, как удары в било, похоронный колокол, как звуки погребальных песнопений.

«Великий постриг» замечателен богатством и глубиной созданных образов [5, с. 11]. Особой красотой и поэтичностью отмечен образ девушки, идущей впереди со свечой, – «чистой голубицы», как назвал ее сам М.В. Нестеров [5, с. 11]. С подобным женским образом мы не раз встретимся у М.В. Нестерова впоследствии.

Родственный образ «белицы» (девушки, живущей в скиту, но не монашенки) дал М.В. Нестеров позже в своей картине: «За Волгой» (1905) [5, с. 12]. Сцена перед разлукой с любимым. Девушка все для себя решила, но он не знает об этом. Он совсем иной, чем его подруга, покорившаяся, отрешенная от мира, – весь полон сознания своей силы, гордо утверждает себя, рвется к действию, борьбе, готов поспорить с любой житейской бурей. В этом образе сказался интерес М.В. Нестерова к людям сильным, одаренным, деятельным. Но, подобные образы редки в дореволюционном творчестве М.В. Нестерова. Как художника его в то время больше привлекали образы иных русских людей, тех, кого показал он в картине: «Святая Русь» (1901-1905) [5, с. 12] (илл. 7).

Сам М.В. Нестеров так описывал это свое полотно: «Среди зимнего пейзажа идут-бредут и стар, и млад со всей земли. Тут всякие «калеки», люди, ищущие своего бога, искателя идеала, которыми полна наша «Святая Русь» [5, с. 12]. Наряду со сложными композиционными картинами, отдавая немало труда на выполнение заказов по росписи церквей, М.В. Нестеров в начале XX века написал и ряд «чистых» пейзажей [5, с. 12].

Среди них есть такие чудесные, как, например, «Осенний пейзаж» 1906 года [5, с. 12] (илл. 8).

Он не только поэтичен, как и все пейзажи М.В. Нестерова, но и восхищает смелостью и свободой живописных приемов, богатством и красотой колорита. Хотя М.В. Нестеров в дореволюционные годы и не рассматривал себя, как портретиста (он считал, что портреты – это дело И.Е. Репина и В.А. Серова), но и в этой области он создал несколько значительных произведений.

Так, в Государственной Третьяковской галерее хранится прекрасный, датированный 1905 годом, портрет второй жены художника Екатерины Петровны Нестеровой, а Государственный Русский музей обладает таким шедевром, как портрет дочери художника – Ольги Михайловны Нестеровой (Шретер), изображенной в амазонке на фоне пейзажа (илл. 9, 10).

Этот редкостный по благородной простоте и вместе с тем изысканно красивый портрет-картина полон особой поэтической задумчивости. Он создавался в 1906 году, когда лето уже клонилось к осени. М.В. Нестеров писал его на открытом воздухе при заходящем солнце в саду своего уфимского дома, на берегу реки Белой. В 1907 году М.В. Нестеров в Ясной Поляне работал над портретом Л.Н. Толстого (1828-1910) (илл. 11).

Он сообщал оттуда в письме: «Портрет старику нравится, хотя он и говорит, что любит себя видеть более «боевым», для меня же, для моей картины он нужен сосредоточенным, самоуглубленным» [5, с. 12]. Портрет был задуман, как этюд для картины: «На Руси», над которой М.В. Нестеров трудился многие годы и в которой наряду с деятелями далекого прошлого России хотел поместить некоторых выдающихся своих современников [5, с. 12]. В первые трудные годы после Октябрьской революции М.В. Нестеров был мало плодovit, как художник. В ту

Илл. 7. М.В. Нестеров. «Святая Русь». 1901-1905 гг. Х., м., 233,0 x 375,0 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

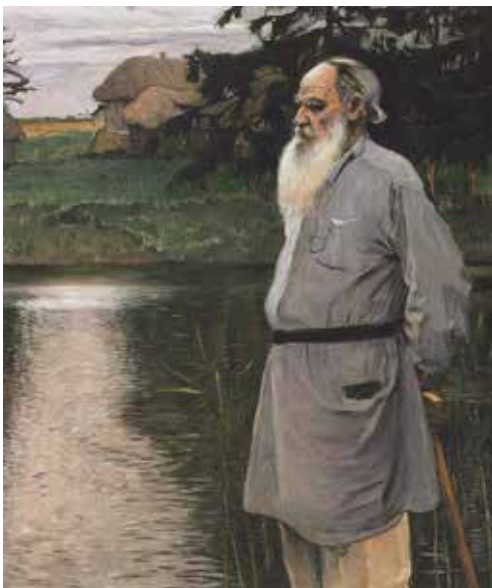
Илл. 8. М.В. Нестеров. «Осенний пейзаж». 1906 г. Х., м., 101,0 x 134,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 9. М.В. Нестеров. «Портрет Екатерины Петровны Нестеровой». 1905 г. Х., м., 142,5 x 107,8 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 10. М.В. Нестеров. «Портрет Ольги Михайловны Нестеровой («Амазонка»). 1906 г. Х., м., 175,0 x 86,5 см // Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

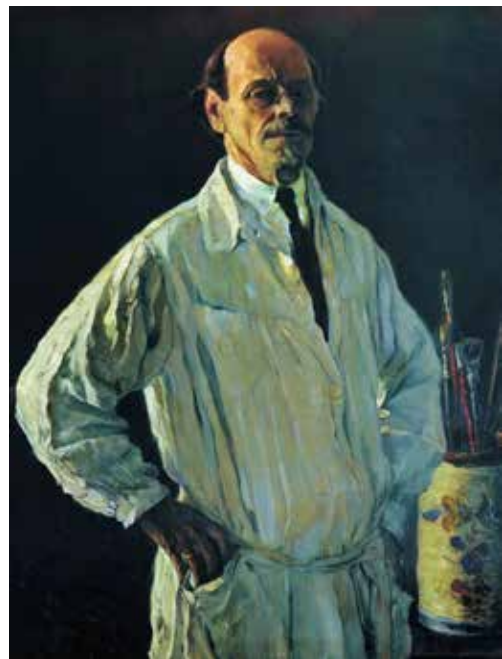
Илл. 11. М.В. Нестеров. «Портрет Льва Николаевича Толстого». 1907 г. Х., м., 113,0 x 102,0 см // Музей Л.Н. Толстого (Москва)

пору он писал А.А. Турыгину: «Не работается, ни к чему. Повторять себя надоело, а новых мыслей нет, а те, что есть, – около печки сидя, не напишешь» [5, с. 13].

Но, в нем копился и бродил запас неистраченных творческих сил. И вскоре наступили пробуждение и возрождение художника. В феврале 1925 года М.В. Нестеров сообщал другу: «Сейчас работаю большой портрет с давнишнего приятеля своего (еще киевского), теперешнего академика профессора А.Н. Северцова» [5, с. 13] (илл. 12).

Илл. 12. М.В. Нестеров. «Портрет академика Алексея Николаевича Северцова». 1925 г. Х., м., 110,0 x 137,0 см // Музей-заповедник «Абрамцево»

Илл. 13. М.В. Нестеров. «Автопортрет». 1928 г. Х., м., 103,0 x 82,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Этим произведением М.В. Нестеров начал целую галерею портретов своих ровесников и младших современников из того круга людей, который он хорошо знал, – людей творческого труда в области науки и искусства. Вслед за портретом А.Н. Северцова М.В. Нестеров написал портрет В.М. Васнецова. М.В. Нестеров относился к Виктору Михайловичу Васнецову с глубоким уважением. «Это художник, и большой!» – восклицал он [5, с. 14].

Именно, как большого русского, самобытного художника он и стремился запечатлеть В.М. Васнецова на холсте, любясь вместе с тем его «старческой благородной красотой» [5, с. 14]. Летом 1928 года М.В. Нестеров написал: «Автопортрет», который радостно был воспринят друзьями и деятелями искусства, что в свою очередь обрадовало и ободрило автора [5, с. 14] (илл. 13).

Илл. 14. М.В. Нестеров. «Портрет Павла Дмитриевича и Александра Дмитриевича Кориных». 1930 г. Х., м., 126,0 x 126,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

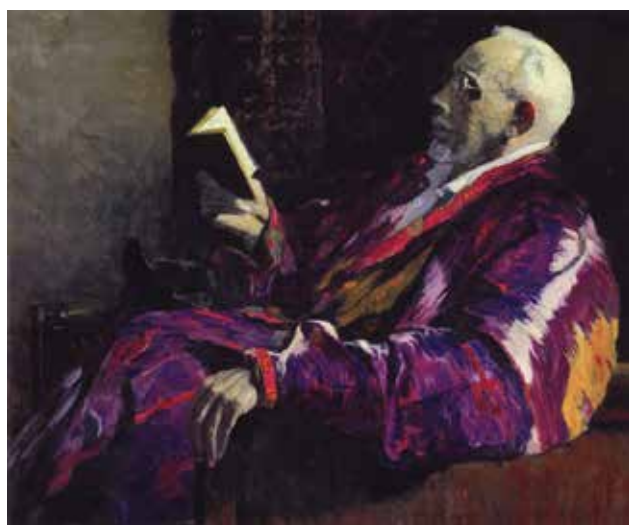
Илл. 15. М.В. Нестеров «Портрет Ивана Дмитриевича Шадра». 1934 г. Х., м., 102,0 x 92,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

«И.Э. Грабарь находит, – сообщал тогда М.В. Нестеров, – что старость моя – это «завидная старость», что если бы не Советская власть, то может быть никто бы и не знал об этой скрытой до 1917-го года, до Октябрьской революции, способности моей к чистому портрету... Словом, еще «жив Курилка» [5, с. 14]. Успех пробудил в М.В. Нестерове желание работать, создавать. Он почувствовал, что жив, как художник, который нужен людям. Еще больший успех выпал на долю М.В. Нестерова, когда он в 1933 году показал на выставке: «Художники РСФСР за 15 лет» свои работы, и среди них: «Портрет художников П.Д. и А.Д. Кориных» (1930) [5, с. 14] (илл. 14).

О создании этого портрета М.В. Нестеров рассказывал в своих письмах: «...задумал написать портрет (двойной) с братьев Кориных. Оба, каждый по-своему, интересны. Один в стиле итальянского «Возрождения», другой – в стиле ультра-русском – не то «Ян Усмович», не то «Микула Селянинич». Что-то крепкое, на чем вырастет иное, чем то, что породило «обломовых». Оба брата – художники, оба – мастера своего дела... Пока они существуют, я не устану ими любоваться. Любоваться моральными, душевными их свойствами; их... «целиной» [5, с. 14].

В 1934 году М.В. Нестеров написал: «Портрет скульптора И.Д. Шадра» и сам остался им доволен (илл. 15).

«Портрет удался, – говорил он, – живой, свежий, реальный, как ни один из предыдущих» [5, с. 14]. В портрете, несомненно, сказалось первое впечатление, полученное при знакомстве с И.Д. Шадром: «Когда вошел ко мне И.Д. Шадр, закинув немного голову назад, все в нем восхитило: и молодечество, и даровитость, полет» [5, с. 14]. М.В. Нестеров находил у И.Д. Шадра сходство с Ф.И. Шаляпиным (1873–1938) и ра-

Илл. 16. М.В. Нестеров. «Портрет Алексея Николаевича Северцова». 1934 г. Х., м., 76,0 x 96,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

довался этому, ибо для него Ф.И. Шаляпин был олицетворением русского народного гения.

Осенью того же года М.В. Нестеров создал второй: «Портрет академика, биолога А.Н. Северцова», который бесспорно следует поставить выше первого [5, с. 14] (илл. 16).

Если в портрете 1925 года М.В. Нестеров стремился схватить прежде всего внешние черты облика, характерное, запечатлеть А.Н. Северцова таким, каким он был перед ним в тот момент – «подстреленным коршуном» (А.Н. Северцов был тогда тяжело болен), то во втором портрете художник создал образ человека, спокойного сознанием, выполненного перед людьми долга, раскрыл гармонию его духа, выразив ее гармонией и кра-

Илл. 17. М.В. Нестеров. «Портрет Сергея Сергеевича Юдина». 1935 г. Х., м., 80,0 x 97,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 18. М.В. Нестеров. «Портрет Ивана Петровича Павлова». 1935 г. Х., м., 83,0 x 121,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 19. М.В. Нестеров. «Портрет Ксении Георгиевны Держинской». 1937 г. Х., м., 117,5 x 95,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 20. М.В. Нестеров. «Портрет Елизаветы Сергеевны Кругликовой». 1938 г. Х., м., 125,0 x 80,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

сотой самой живописи [5, с. 15]. Дважды писал М.В. Нестеров и знаменитого хирурга С.С. Юдина. И снова лучшим явился второй портрет, 1935 года, в котором С.С. Юдин изображен в профиль за рабочим столом, что-то объясняющим невидимым нам слушателям (илл. 17).

Изумительно вылепил М.В. Нестеров руки хирурга – это руки виртуоза с тонкими, длинными, чуткими пальцами, передал изящество, «музыкальность» их движений [5, с. 15]. В августе 1935 года М.В. Нестеров приехал в Колтуши, чтобы написать еще один портрет академика Ивана Петровича Павлова (1849-1936) (илл. 18).

А девятого сентября он уже сообщал П.Д. Корину: «Портрет почти закончен, голова вышла, бьюсь над руками, характерными, а старик бедовый: сидеть смиренно не может... Старик все тот же, неукротимый, еще играет в чурки, а какой спорщик!...» [5, с. 15]. Таким страстным «спорщиком», крепко сжавшим кулаки, отстаивающим свои идеи, и изобразил художник И.П. Павлова [5, с. 15]. М.В. Нестеров написал его на фоне широкого окна, через которое виден, строящийся научный городок. Этот фон, по словам М.В. Нестерова, пришелся ученому «по душе», потому, что придавал «историчность» портрету [5, с. 15]. «Он его радовал, так как все, что вошло в него, были его мысли, воплощение его мечтаний последних лет...» [5, с. 15]. Позже, в марте 1941 года, за этот портрет М.В. Нестеров получил Государственную премию СССР.

М.В. Нестеров создал и несколько значительных женских портретов. Из них прочно вошли в экспозицию Государственной Третьяковской галереи красивый и поэтичный, но не вполне, удовлетворивший самого М.В. Нестерова, «Портрет народной артистки СССР К.Г. Держинской» (1937), острый по характеристике, элегантный: «Портрет художницы Е.С. Кругликовой» (1938) и, наконец, превосходный: «Портрет скульптора В.И. Мухомовой» (1940) [5, с. 15] (илл. 19, 20, 21).

Илл. 21. М.В. Нестеров. «Портрет Веры Игнатьевны Мухиной». 1940 г. Х., м., 80,0 x 75,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Илл. 22. М.В. Нестеров. «Портрет Алексея Викторовича Щусева». 1941 г. Х., м., 80,0 x 76,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

По свидетельству С.Н. Дурьлина (друга и биографа художника), М.В. Нестеров высоко ценил громадный талант В.И. Мухиной (1889-1953), восхищался ее всемирно известной скульптурной группой: «Рабочий и колхозница» (1937), которые, по его словам, «слиты в едином порыве, страстном, стройном и победном», и которые передают «живое устремление целой страны в будущее» [5, с. 15].

Как творца великих произведений, как вдохновенного художника, мудрого, полного творческих сил, охваченного страстным, напряженным созидательным трудом, запечатлел М.В. Нестеров крупнейшего скульптора своего времени, замечательную советскую женщину Веру Игнатьевну Мухину. Двадцать второго июня 1941 года, в тот день, когда фашистские войска вторглись в СССР, М.В. Нестеров начал писать портрет своего многолетнего друга, архитектора А.В. Щусева (1873-1949) (илл. 22).

Это был последний портрет, созданный художником. На исходе следующего лета М.В. Нестеров написал свой последний пейзаж: «Осень в деревне» [5, с. 16] (илл. 23).

В день своего восьмидесятилетия художник был награжден орденом Трудового Красного Знамени, и ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. А 18 октября 1942 года М.В. Нестерова не стало. Гроб с его телом был поставлен в одном из залов Государственной Третьяковской галереи. В хмурый холодный день художник был погребен в некрополе Новодевичьего монастыря.

Таким образом, жизнь определила те черты, те грани внутреннего мира человека, которые раскрыл М.В. Нестеров в своих глубоких, проникновенных портретах. Его позднее творчество было отлично от раннего. Если молодой М.В. Нестеров обычно изображал людей, стре-

Илл. 23. М.В. Нестеров. «Осень в деревне». 1942 г. Х., м., 76,0 x 79,0 см // Государственная Третьяковская галерея (Москва)

мящихся уйти от житейских бурь, жаждущих уединения, тишины и покоя, то старыми годами М.В. Нестеров в своих замечательных портретах создавал образы людей, активно утверждающих жизнь, вторгающихся в нее, полных деятельной силы, напряженной творческой энергии. И если работы прежнего М.В. Нестерова по самой своей живописи нежны и тихи, то портреты «нового» М.В. Нестерова написаны смело и звучно, с огромным живописным темпераментом, с молодым задором, с юношеским «натиском восторга» [5, с. 13].

Список литературы:

1. Ахмерова Э.Р. Михаил Нестеров. 1862-1942. М.: Изд-во: «АРТ-РОДНИК», 2013. 96 с.
2. До будущего лета в Колтушах! // Смольников И.Ф. Мастерская солнца: Рассказы о советских художниках / Оформл. А. Гасникова. Л.: Изд-во: «Детская литература», 1990. С. 48-58.
3. Дурьлин С.Н. Нестеров-портретист. М.-Л.: Изд-во: «Искусство», 1949. 272 с.
4. Михайлов А.И. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. М.: Изд-во: «Советский художник», 1958. 492 с.
5. Михаил Васильевич Нестеров. Альбом / Авт. С.Н. Дружинин. М.: Изд-во: «Изобразительное искусство», 1975. 16 с.: ил.
6. Нестеров М.В. Давние дни: Встречи и воспоминания / Подгот. текста, введ. и примеч. К.В. Пигарева. 2-е изд., доп. М.: Изд-во: «Искусство», 1959. 399 с.
7. Никонова И.Н. Михаил Васильевич Нестеров. М.: Изд-во: «Искусство», 1962. 191 с.
8. Русакова А.А. Михаил Нестеров. 1862-1942. Л.: Изд-во: «Аврора», 1990. 216 с.
9. Шарандак Н.П. Михаил Васильевич Нестеров. Л.: Изд-во: «Художник РСФСР», 1975. 40 с.: ил. (Массовая библиотечка по искусству).

Filippova O.N.

Association of Art Critics, Moscow

PORTRAIT IN THE CREATIVE WORK OF M.V. NESTEROV (1862-1942)**Summary**

Mikhail Vasilyevich Nesterov (1862-1942) is one of the most subtle, heartfelt lyrics in Russian painting. Its formation as an artist and the first major successes come at the end of XIX – beginning of XX century. But his name could not be separated from the history of Soviet art, in which he came already established, venerable, recognized artist. Not stopping there, he seemed to have found a second youth, and created a number of wonderful works, put forward it among the leading masters of the Soviet portrait.

Keywords: the creative work of M.V. Nesterov, landscapes, tale, theatrical scenery, creation of icons for St. Vladimir's Cathedral in Kiev, watercolor sketch, a series of paintings about the tragic fate of Russian women, execution of orders for the painting of churches, portraits, self-portrait.